

Павел Никиткин

Павел Никиткин родился в 1950 году в Калужской области. Воспитывался в детском доме. После школы окончил Абрамцевское художественное училище, отслужил в армии.

В 1974 году переехал на Дальний Восток. Окончил факультет русского языка и литературы Благовещенского пединститута.

Член Союза художников России и Союза российских писателей. Автор четырёх сборников стихов и двух книг прозы. Его стихи и рассказы печатались в журналах «Амур-батюшка» и «Дальний Восток», в альманахе «Амур», в коллективных сборниках дальневосточных писателей, в газетах «Амурская правда» и «Русский берег», звучали на радио.

Рассказы

Крёстная

Полдень. Ни единого облачка. Белёсое солнце, прилипшее к центру небосвода, палит немилосердно.

Я снял куртку, рубашку и, стойко перенося укусы комаров, остался в футболке.

Мой русский спаниель Бой, уставший от бесплодных поисков и жары, старался хоть на минуту прилечь в тень травы или кустика. Сегодня мы добросовестно отсидели утреннюю зорьку на озере, но утки не было. Куда она подевалась — кто её знает? Решили поискать мелкую болотную дичь. Исходили близлежащие сенокосы, но ни одного долгоносика не подняли. Что поделаешь — жара, сушь.

Ещё потемну нас доставил сюда на мотоцикле мой друг Семён, к которому мы приехали погостить, поохотиться, вспомнить юношеские похождения. Он тоже заядлый охотник, но остаться с нами не смог, поскольку работает механизатором, а сейчас самый разгар уборочной, дорог каждый погожий день.

Изрядно заморённые, бредём к селу, родному селу.

Последний глоток воды из фляжки уже давно выпит Боем, нас одолевает жажда. Пыльная дорога тянется вдоль полей, на которых стучат моторы комбайнов. Немного в стороне в жарком мареве плавится деревня, где, как я знал, пребывает в добром здравии крёстная — Анна Ивановна. Правда, крестила она только старшего брата Егорку, но мы все, братья и сестра, подражая ему, называли её крёстной.

Эта женщина — живой образ, воспетый Некрасовым. И коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт. В не столь давние времена портрет Анны

Ивановны не снимался с совхозной Доски почёта. Отличная работница, красавица, примерная домохозяйка, что особо ценится сельчанами. Бывая в селе — центральной усадьбе совхоза, — непременно заходила к нам, и обязательно с гостинцами. То одарит пряниками, то конфетами, то пирогами собственной выпечки. Для нас приход крёстной всегда был небольшим праздником. Похоронив мужа, она подняла пятерых детей.

Дом Анны Ивановны стоит почти на краю, так что идти недалеко.

Замка не видно, дверь прикрыта накинутым крючком. Хозяйка где-то поблизости. Рядом с домом глубокий колодец с висящим на воротах оцинкованным ведром. Мы с Боем долго и с наслаждением утоляем жажду холодной прозрачной водой.

Располагаемся в тени высокой черёмухи. Я, кажется, немного вздремнул, когда из огорода с корзиной овощей вышла крёстная. Она всё такая же статная и выглядит лет на сорок пять, хотя ушла далеко от этого возраста.

— Митя, ты, что ли? Давно, давно не виделись, — ещё издали узнала она меня. — Не забыл. Спасибо.

Мы обнялись, поцеловались.

— Заходи в избу — там попрохладней.

— Здесь тоже хорошо — ветерок обдувает...

— Пойдём вовнутрь, соберу что-нибудь на стол, а потом и поговорить можно.

— Спасибо, крёстная, мы с Боем недавно хорошо подкрепились.

— Тогда угощайся вот свежими помидорами. Подожди, ополосну их.

Я с удовольствием поедал сочные, немного кисловатые плоды, а Анна Ивановна молча смотрела на меня и что-то вспоминала. Под её взглядом было тепло и уютно, как в детстве, когда она прижимала к себе и тихо гладила по голове.

— А где теперь ваши: Пётр, Илья, Люба, Иван и Тоня? — прервал я долгое молчание.

— Разъехались по городам, разлетелись... Только Антонина в вашем селе замужем. Вот жду всех с семьями в субботу. Шестьдесят мне исполнится... Неудобно спрашивать, но если будешь здесь — обязательно приходи. Всех увидишь. Придёшь?

— Обязательно!

В это время мимо нас, опираясь на палочку, проходил старичок. Поравнявшись, снял старенькую белую кепку:

— Доброго здоровьица, Анна Ивановна!

Поздоровались и мы.

Он, обмахивая кепочкой лысую голову, прошёл к соседнему дому и скрылся в тёмном дверном проёме.

— Какой вежливый и тихий старичок, — заметил я.

Крёстная глубоко вздохнула, потом долго смотрела на меня, словно решая: говорить или нет?

— Это сосед, Ванюшка. Знаешь, Митя, может быть, я виновата, что он стал таким тихим. Даже вспоминать об этом неудобно. Но коль начала — расскажу.

Раньше это был буйный человек. Напьётся, бывало, и дебоширит. Сядет на крыльце, и кто бы мимо ни прошёл, он обязательно заденет, обязательно оскорбит, обматерит. Частенько за это и получал. Бобылём давно живёт. Присмотреть за ним, окоротить некому.

Года через три после смерти Николая приходил ко мне свататься. Я ответила, что не было у меня мужика до Николая, не будет и после него. Выгнала. С того дня стала я камнем на дороге Ванюшки. Мимо не пройдёт, чтобы не зацепить. Придумал даже месть для меня: напьётся и выпускает кур из сарая. Те, понятно, лезут в мой огород, раскапывают грядки. Так почти каждый день. Надоело мне это до смерти. Однажды недоглядела... Захожу в огород, а там весь мой лук лежит в междугрядье. Ванюшкины куры по-хозяйски расхаживают по огурцам и расклёвывают завязи, землю разгребают!

Злость на меня напала, руки-ноги затряслись. Да сколько это может продолжаться?! В кур полетело всё, что под руку попало. Во дворе шум, крик, пух, пыль! Одну курицу покалечила. Взяла её за ноги, подошла к сидящему на крыльце Ванюшке да бросила ему в рожу. Держишь кур — смотри, чтобы по чужим огородам не шастали!

— Дура! Сволочь! Собака злая! Стерва! Проститутка! — так и полилось из него, как из поганого ведра. Ты знаешь, Митя, всякую ругань бы вынесла, но «проститутка» меня добила. Аж в глазах темно стало! Схватила я валявшуюся рядом палку — да по лысине его, по лысине! И с каждым ударом на душе, кажется, легче становилось. Отлегло.

Повернулась идти домой, а он встал на ноги, сумел сделать несколько шагов и упал прямо вот тут, возле колодца.

Ушла в дом, а сердце не на месте: жив ли он там?

Иду посмотреть.

Лежит. Лицо в крови, и вроде не дышит. Мухи облепили всю голову. Ноги неестественно подогнуты. Толкнула — никакой реакции. Ни пальцем, ни единой жилочкой не шевелит. Мертвец мертвецом. Тут меня страх одолел. Убила!

Может, кто из соседей видел? Люди часто воду брать ходят, а тут, возле колодца, труп. Взяла его под руки да потащила к себе на веранду. Не смотри, что он такой неказистый, а тяжёлый. Дотащила. Пристроила в уголке, отмыла кровь. Никаких признаков жизни не подаёт, но и не остывает. Потом заметила, как на шее его жилка забила. Сходила в комнату, взяла с божницы святой воды, опрыснула его... Никакого толку.

Присела рядом, подождала... И потом как-то само собой из меня вырвалось:

— Самогон будешь?

И — веришь, нет? — дрогнуло у него одно веко, глаз приоткрылся.

— А что — есть?

Бегом принесла полный стакан из старых запасов. Приподняла Ванюшке голову.

Из рук моих выпил. Выпил! Встал и, не говоря ни слова, ушёл к себе.

Несколько дней на улице не показывался. Только по ночам из его сарая куриный крик слышался. Всех порешил.

С тех пор тихим стал, опрятным и к спиртному — ни-ни.

Вот такая история случилась у меня с соседом.

Посидели, помолчали.

— Ладно, крёстная, пойдём мы, а то Семён искать начнёт. опередить его надо.

— В субботу-то придёшь?

— Приду, обязательно приду.

2009

Партизан

Сентябрь девяносто второго стоит тёплый и сухой. Погода манит из дома на реку или озеро. Но... охотники сидят в городе и только по вечерам собираются в гаражах травить душу рассказами — как раньше было много всякой пернатой дичи и в путёвках писали срок окончания сезона: «до отлёта».

Лысуху-то раньше и за дичь не считали — на каждой болотинке, на каждой озерушке и в селе, и в городе её выводки, попискивая, гонялись в траве за насекомыми. А теперь? Любой охотник был бы рад добыть её. Но лысухи нет, пропала. Уже лет десять не видим. Одни говорят, что китайцы в местах её зимовальных скоплений уничтожили и продали нам же в консервированном виде. Другие уверяют, что какие-то химикаты эту бедную болотную курочку заморили. Третьи относят это на перенаселение.... Как бы то ни было, но однажды весной лысуха не вернулась в наши края.

В данный момент местная утка частью выбита, частью ушла на дальние реки, а северная, ходовая, ещё не идёт. Скучны и пустынно сейчас озёра. Вот тут бы и оживила их лысуха. Но, как говорится, на нет и спроса нет. Сидим в городе и ждём, когда пойдёт северная, ходовая утка.

Вчера вечером позвонил мне из Семёновки Владимир Григорьевич, давнишний приятель, обрадовал сообщением: пошла северная. Наконец-то!

Много километров вместе мы прошагали по тайге, много кабанов и косуль добыли в этих нелёгких походах. Есть что вспомнить. Поэтому с большим удовольствием поеду к нему на охоту.

После обеда в пятницу моя «Нива» лихо пронеслась вдоль улиц береговых амурских деревень, с разгона преодолевая перевалы сопки.

Семёновка стоит в шестидесяти километрах от города вверх по Амуру. Но кто считает эти километры, если впереди ждёт хорошая охота.

Вот она, Семёновка-красавица!

Деревня тихо и мирно расположилась на острове, окружённая со всех сторон водой и сопками. Три основные улицы идут вдоль Амура. Посредине деревни, словно гвоздь, приколовший в таком порядке дома, стоит погранич-